

МУЗЫКА

– Я поставлю музыку. Не против? – говорит она.

– Да. Конечно. Совсем нет.

Звучит Genesis. Она спрашивает:

– Нравится? – спрашивает, – Я люблю группу Краски... Вообще веселую музыку люблю. Танцевальную, о'к? Просто она не романтичная... А мы вроде как, – улыбается она.

Он смущен, тоже улыбается, говорит:

– А я стал большим фанатом Genesis после выхода альбома Duke, в 1980-м...

– Да? – говорит она, – Послушай, – говорит, – Это так интересно!

Она закуривает сигарету, говорит:

– А я обожаю группу Краски. Они классные. Особенно Оксана Ковалевская... Она так одевается... Знаешь... Прямо ас! Однажды я видела ее маникюр... Ходила брать автограф...

– Когда вышел «Duke», где присутствие Фила Коллинза проявилось значительно ярче, музыка стала посовременнее, ударные выступили почетче, тексты сделались менее замороченными на мистике и более своеобразными (может быть, из-за ухода Питера Г'эбриэла), – а замысловатые изыскания в области потерь и утрат сменились великолепными образцами перво-классных песен, и я с радостью принял их творчество. Хотя...

– Нет, я конечно не та девушка из безумных фанаток, что подражают любимым исполнителям во всем, нет. У нас однажды Тая, которая почему-то претя по Аврил Лавин, решила сделать себе мелирование как у нее... Не очень вышло, потому что Тая все-таки не канадская певица и волосы у нее темные...

– Единственная откровенная лажа на всем альбоме Duke – это «Alone Tonight», которая слишком уж напоминает «Tonight, Tonight, Tonight» с более позднего альбома «Invisible Touch» и это единственный случай, когда Коллинз повторил себя самого.

Вдруг начинает звучать:

See the lonely man there on the corner,

What he's waiting for...

Он оживляется:

– Моя любимая песня – «Man on the Corner», «Человек на углу». Единственная песня на всем альбоме, для которой и музыку, и слова написал Коллинз; трогательная баллада с симпатичной мелодией, которую играет синтезатор, и интересными ударными ритмами на заднем плане.

– ...тип кожи, этому типу кожи вообще противопоказаны любые изменения во внешности! Даже губная помада может с ней сотворить такое, что...

– Между прочим, это альбом Abacab? Что вышел почти сразу за Duke. Этот проект очень выиграл от сотрудничества с новым продюсером, Хью Пэдджемом, который привнес в группу более современное по меркам восьмидесятых звучание...

– Знаешь, у вас мужиков, есть такое расхожее выражение, что шансон – это когда хорошему человеку плохо. А тогда что такое попса? (Смеется.) Это когда человеку хорошо? Нет, конечно же, – это, прежде всего музыка честная, искренняя: человек делится своими переживаниями и когда ему плохо, и когда хорошо. А в плане честности, кстати, попсовой музыке здесь многие ваши направления проигрывают... Нет, ну что плохого в том, что она... Ммм... Как бы, как бы это сказать... Эээ...

– ...и даже в самых печальных и безысходных фрагментах (как, скажем, песня «Dodo» про вымирающих животных) музыка на альбоме Abacab – легкая и ненапряжная.

– Именно: легкая и ненапряженная!

Она незаметно выдергивает из розетки магнитофон.

Он улыбается:

– Да, выключай свет... Иди ко мне...

НЕЗРИМЫЕ ТВАРИ

2. Испорченная кассета

Погода была ужасная.

Принцесса была прекрасная.

Днем во втором часу

Заблудилась принцесса в лесу

А. Градский

– Это как алкогольная зависимость, – говорит он. – Сначала, когда ты только пробуешь виски, тебе это не очень-то и нравится. «Фу, какая дрянь», – говоришь ты, – Но потом тебе еще стаканчик.

– Наша жизнь требует определённой приватности. И мы не устраиваем из этого шоу. Мы никому не должны доказывать факт своего существования. Публичное признание в том, кто вы, даст вам совершенно не нужное внимание, и вызовет негативную реакцию всего общества. Хотя сначала хочется «по секрету всему свету» сообщить о своем «втором рождении». Ведь это это как первый секс, ощущения незабываемые и обязательно нужно всем рассказать, – говорит он, – Похвастать перед пацанами, что ты уже не мальчик.

– Но наше место в тени, – кивает Амирхан, – Наша самая лучшая защита от враждебно настроенной части человечества – это её неверие в наше существование. Когда-нибудь мы сможем сделать это знание публичным. Время придёт. Не стоит прятаться от своей природы, но не стоит демонстрировать её тем, кто не в состоянии понять.

– Необходимо научиться чувствовать момент, когда ты начинаешь потакать своей природе. Не стоит выставлять напоказ свою сущность в публичных местах. Процесс питания следует проводить приватно. Мы не должны подвергать опасности себя и других. Не будьте беспечны. Сохранность всего сообщества складывается из благополучия всех его членов.

– Мы должны жить так, как живёт любой другой человек: иметь работу, содержать дом, общаться с соседями. Быть теми, кто мы есть – не предлог ухода от реальности. Если ты один из нас, то это еще ничего не значит.

— Хотя, конечно, наш стиль жизни и не для каждого. Заботьтесь о тех, кого вы вводите в наш круг. Среди нас нет места духовно и эмоционально нестабильным людям. Они опасны, ненадёжны и могут в будущем предать нас. Будьте уверены в том, что те, кого вы выбрали, способны нести это бремя. Учите их контролю и осмотрительности. Будьте уверены в том, что они уважают наши пути.

— Мы не можем быть никем другим. Мы — это мы. Они заслуживают нашего уважения за свои услуги. Никогда не обращайтесь дурно со своими донорами, физически или эмоционально. Они не должны быть объектами манипуляций и домогательств в большей мере, чем они добровольно позволяют. Никогда не имейте доноров, являющихся таковыми за вознаграждение. Цените их общество и расположение, которые так редко можно получить от других. Цените их жизнь, которую они дарят вам. Ваш союз священен. Не предавайте его.

— У нас таких экземпляров выше крыши, — говорит Виктория Сорокина, сестра «Центральной клинической психиатрической больницы» №1 им. Н. А. Алексеева, — и я сначала тоже не принимала их стиль жизни. Как так можно жить? Но ведь это что-то вроде алкогольной зависимости, — говорит она, — поняла я потом. Сначала, когда ты только пробуешь виски, тебе это очень-то и нравится. «Фу, какая дрянь», — говоришь ты, — Но потом требуешь еще стаканчик, — смеется. — Ведь это это как первый секс, ощущения незабываемые и обязательно нужно всем рассказать, — говорит она, — Похвастать перед подружками, что ты уже не девочка.

— Мы просто другие, — подтверждает Ахмед и разводит руками, — и осознаем свою инаковость, как нечто, данное нам, и делающее нас такими. И мы разные. Есть потребители кала, спермы, мочи. Наши пути различны, даже не смотря на то, что наше путешествие общее. Никто из нас в отдельности не может дать ответов на все вопросы по поводу того, кем или чем мы являемся. Опыт и взгляды каждого из нас достойны уважения. Мы не должны позволять мелким идеологическим разногласиям

становиться препятствием в деле нашего объединения. Для нас вполне достаточно нападков со стороны. В нашем многообразии — наша сила. Пусть различия в наших взглядах обогащают, а не разобщают нас. Мы развиваемся, как и любые другие культуры. От этого никуда не денешься. Мы есть.

— Это как алкогольная зависимость, — говорит он. — Сначала, когда ты только пробуешь виски, тебе это не очень-то и нравится. «Фу, какая дрянь», — говоришь ты, — Но потом требуешь еще стаканчик.

— Наша жизнь требует определённой приватности. И мы не устраиваем из этого шоу. Мы никому не должны доказывать факт своего существования. Публичное признание в том, кто вы, даст вам совершенно не нужное внимание, и вызовет негативную реакцию всего общества. Хотя сначала хочется «по секрету всему свету» сообщить о своем «втором рождении». Ведь это это как первый секс, ощущения незабываемые и обязательно нужно всем рассказать, — говорит он, — Похвастать перед пацанами, что ты уже не мальчик.

— Но наше место в тени, — кивает Амирхан, — Наша самая лучшая защита от враждебно настроенной части человечества — это её неверие в наше существование. Когда-нибудь мы сможем сделать это знание публичным. Время придёт. Не стоит прятаться от своей природы, но не стоит демонстрировать её тем, кто не в состоянии понять.

— Необходимо научиться чувствовать момент, когда ты начинаешь потакать своей природе. Не стоит выставлять напоказ свою сущность в публичных местах. Процесс питания следует проводить приватно. Мы не должны подвергать опасности себя и других. Не будьте беспечны. Сохранность всего сообщества складывается из благополучия всех его членов.

— Мы должны жить так, как живёт любой другой человек: иметь работу, содержать дом, общаться с соседями. Быть теми, кто мы есть — не предлог ухода от реальности. Если ты один из нас, то это еще ничего не значит.

— Хотя, конечно, наш стиль жизни и не для каждого. Заботь-

тесно о тех, кого вы вводите в наш круг. Среди нас нет места духовно и эмоционально нестабильным людям. Они опасны, ненадежны и могут в будущем предать нас. Будьте уверены в том, что те, кого вы выбрали, способны нести это бремя. Учитесь их контролировать и осмотрительности. Будьте уверены в том, что они уважают наши пути.

— Мы не можем быть никем другим. Мы — это мы. Они заслуживают нашего уважения за свои услуги. Никогда не обращайтесь дурно со своими донорами, физически или эмоционально. Они не должны быть объектами манипуляций и домогательств в большей мере, чем они добровольно позволяют. Никогда не имейте доноров, являющихся таковыми за вознаграждение. Цените их общество и расположение, которые так редко можно получить от других. Цените их жизнь, которую они дарят вам. Ваш союз священен. Не предавайте его.

— У нас таких экземпляров выше крыши, — говорит Виктория Сорокина, сестра «Центральной клинической психиатрической больницы» №1 им. Н. А. Алексеева, — и я сначала тоже не принимала их стиль жизни. Как так можно жить? Но ведь это что-то вроде алкогольной зависимости, — говорит она, — поняла я потом. Сначала, когда ты только пробуешь виски, тебе это очень-то и нравится. «Фу, какая дрянь», — говоришь ты, — Но потом требуешь еще стаканчик, — смеется. — Ведь это это как первый секс, ощущения незабываемые и обязательно нужно всем рассказать, — говорит она, — Похвастать перед подружками, что ты уже не девочка.

— Мы просто другие, — подтверждает Ахмед и разводит руками, — и осознаем свою инаковость, как нечто, данное нам, и делающее нас такими. И мы разные. Есть потребители кала, спермы, мочи. Наши пути различны, даже не смотря на то, что наше путешествие общее. Никто из нас в отдельности не может дать ответов на все вопросы по поводу того, кем или чем мы являемся. Опыт и взгляды каждого из нас достойны уважения. Мы не должны позволять мелким идеологическим разногласиям становиться препятствием в деле нашего объединения. Для нас

вполне достаточно нападок со стороны. В нашем многообразии — наша сила. Пусть различия в наших взглядах обогащают, а не разобщают нас. Мы развиваемся, как и любые другие культуры. От этого никуда не денешься. Мы есть.

— Это как алкогольная зависимость, — говорит он. — Сначала, когда ты только пробуешь виски, тебе это не очень-то и нравится. «Фу, какая дрянь», — говоришь ты, — Но потом требуешь еще стаканчик.

— Наша жизнь требует определённой приватности. И мы не устраиваем из этого шоу. Мы никому не должны доказывать факт своего существования. Публичное признание в том, кто вы, даст вам совершенно не нужное внимание, и вызовет негативную реакцию всего общества. Хотя сначала хочется «по секрету всему свету» сообщить о своем «втором рождении». Ведь это это как первый секс, ощущения незабываемые и обязательно нужно всем рассказать, — говорит он, — Похвастать перед пацанами, что ты уже не мальчик.

— Но наше место в тени, — кивает Амирхан, — Наша самая лучшая защита от враждебно настроенной части человечества — это её неверие в наше существование. Когда-нибудь мы сможем сделать это знание публичным. Время придёт. Не стоит прятаться от своей природы, но не стоит демонстрировать её тем, кто не в состоянии понять.

— Необходимо научиться чувствовать момент, когда ты начинаешь потакать своей природе. Не стоит выставлять напоказ свою сущность в публичных местах. Процесс питания следует проводить приватно. Мы не должны подвергать опасности себя и других. Не будьте беспечны. Сохранность всего сообщества складывается из благополучия всех его членов.

— Мы должны жить так, как живёт любой другой человек: иметь работу, содержать дом, общаться с соседями. Быть теми, кто мы есть — не предлог ухода от реальности. Если ты один из нас, то это еще ничего не значит.

— Хотя, конечно, наш стиль жизни и не для каждого. Заботьтесь о тех, кого вы вводите в наш круг. Среди нас нет места духов-

DEVOTION

1

Ванька был единственный, кто тащился по девчонкам, но они ему не отвечали. Он уже и помидор напортил, и постель изгадил, и стенку в доме исцарапал, поэтому и решил — надо что-то делать! Когда карманные деньги на цветы и конфеты, кафе и кино у него закончились, когда фантазия на комплементы иссякла, он понял — нужно искать помощи у высших сил. И неважно, существуют они там или нет, верил он в них или не верил, Бог любит всех, пусть всем и помогает!

Как нужно молиться, он не знал, но в фильмах часто видел, как какой-нибудь герой говорил главному, когда подвешивал его жизнь на волоске: «Молись, к чертовой матери! Зарежу!» Герой не знал, как молиться, и когда тот же голос отвечал: «Молись, сын мой, как умеешь! Главное искренность!» Еще в этом фильме он видел, как молясь и выпрашивая что-то у высших сил, мужики да бабы челом бьются. И что свечу нужно, он это тоже знал. Правда, это он в книжке вычитал.

Достал он старую свечу из погреба, пришел в комнату, повернулся в свободное место и стал до боли искренне молиться. Через неделю у него на голове была повязка, под повязкой в голове скрывалась страшная боль, внутри головы поселилась горечь, в общем, все было, любви только не было.

— К чертям это все! — подумал Ванька, — Девоч, что ли, жалко! Попользоваться даже на ночь не дает!

И неделю, пока голова не прошла, он стал терпеть, как монах.

2

Синяки на голове Ваньку не украшали, и плотской радости, естественно, не дарили. За деньги её взять тоже не получалось, поэтому Ванька решил, что брать любовь надо силой, и только силой, и пусть даже нечистой! Он решил Дьяволу душу продать.

Какая разница Дьяволу, чью душу покупать, лишь бы душа была! Он, особенно, испорченные любит? Так Ванька вроде и не ангел в плоти. В любом случае, это его обязанность, пусть забирает!

К Дьяволу надо обратиться! Дьявол-то, что он, он не занят. Пока Бог души спасает, он сидит себе и отдыхает. Все равно, норма у него и так перевыполняется. Люди сами себя губят, палец о палец ничего делать не надо.

— Вызову Дьявола! — решил Ванька, — Поговорим хоть!

И он затеял сеанс спиритизма. Как только в кроватях затухли голоса родителей, как только наступила ночь, он схватил тарелку, буквы черным маркером написал на картах, взял свечу, что Богу не пригодилась, прочее барахло и стал звать.

Пелевин, Бог, Глюкоза и Дьявол словно сговорились не показывать свои лица, поэтому и Дьявол к нему не явился. Только, в отличие от Бога, удосужился блюдцем по столу постучать, мол, здесь я.

— Ты что там делаешь? — выкрикнула мать из комнаты, — Снова по ночам еду из холодильника ворует? Разогревай только! И не шуми! Мне завтра рано на работу!

Дьявол тут легонечко тарелку задвигал к буквам Л, А, Д, Н, О, затем, наверное, немного поразмыслил и вновь заскакал ей по столу: С, П, О, К, О, Й, Н, О, Й, Н, О, Ч, И.

«Вот штука! — подумал Ванька, — в Дьявола верю, в Бога нет!» И приступил к делу:

— Здравствуй, Дьявол, — заговорил он, — Дай мне, пожалуйста, девочку! Очень хочется! — попросил он.

Блюдце заскакало, получилось слово «ЗАКОНЧИЛИСЬ».

— Но у меня ни разу не было! Пожалуйста! — чуть не пустил слезу Ванька, умоляя его.

— Ха-Ха! — ответил на это Дьявол, а подумав, прибавил!!!»

И Ванька каким-то чутьем понял, что после этого он исчез, сдался он ему, не грешник этот!

Вскоре, он все это рассказал однокласснику Лешке. Лешка был прыщавый, рыжий, поэтому его понимал, и довериться ему было можно стопроцентно, как пить дать! Лешка – свой человек. И он сказал Ваньке:

– Идиот ты, Ванька?

– Почему? – обиделся тот.

– Ты же спутаться с девочкой хотел? На прокат, так сказать, любовь взять, на ночь?

– Ну, конечно! Типа того! – сказал Ванька, – Не жениться же мне на ней! Не детей с ней заводить!

– Вот как! – ответил ему Лешка, – Так и просить надо было секса!

Ванька вылупил глаза, Лешка разумничался.

– Любовь – это кранты! – начал объяснять он ему, будто сам что-то понимает, – Она бьет прямо в сердце! От нее невозможно оправиться! Она на всю жизнь! И она избирательна! – и дальше продолжил лечить про две половинки и что-то тому подобное.

– Привередливая сволочь, – подумал Ванька про любовь, когда уже было темно, и он шел в одиночестве от Лешки домой.

2011

ЛЮБОВЬ НА ПРОКАТ

1

Молодой человек приезжал в город по средам. Он покупал на рынке газету и спешил обратно на вокзал, брать билет до дома.

Оказавшись с ним в руках, он, однако, не торопился к автобусу, так как дорога до рынка и обратно занимала не так много времени, как ему казалось еще, когда он был в пути.

Газету молодой человек брал, имея лишь одну четкую цель. Он хотел поступить к кому-нибудь на службу с окладом, кото-

рый бы позволял ему, довольствуясь малым, не переутомляясь, исполнять три долга гражданина. Не быть тунеядцем, жениться, о чем его настоятельно просили родители, снимать квартиру и жить отдельно, о чем его просили настоятельнее, чем о первом и втором.

Но на этот раз, развернув газету на странице с объявлениями и пробежавшись глазами по надеждам таких же безработных бедняг, как и он, парень наткнулся на удивительное объявление. Оно гласило: «Любовь на прокат». Плюс городской телефон без кода.

Следовательно, решил юноша, эта самая любовь отдавалась «напрокат» только местным, остальным же была недоступна?

Он удивился выходке подобного рода, и сплюнул от переполнившей его к газете ненависти! Это было единственное приличное издание в городе, которому люди могли доверять. Неужели и оно продалось миру подлости и вседозволенности, и все проститутки с самой большой улицы, пересекавшей их городок (слава Богу, не центральной), стали подавать сюда объявления!

Сначала парень хотел, как здравомыслящий и социально озабоченный гражданин, разобраться. Но уже в автобусе, поразмыслил и отказался от этой затеи. Отчего он всегда должен лезть во все скандалы, совать нос в чужие дела? Он и так был достаточно известен тем, что один во всем городе являлся верующим и не скрывал этого. Ему не хотелось вновь становиться посмешищем только из-за гнусного объявления.

2

Трубку не брали. И он решил, что звонить в девять часов слишком рано. В городе все еще спят. Им некуда спешить. В девять часов все только начинает пробуждаться. Нужно позвонить в одиннадцать, а затем в два и три. В остальное время у них может быть обед.

Конечно, ему следовало бы позвонить вечером. Это даже разумнее. Кто идет к проституткам с утра? С утра их вышвыри-

вают из номеров гостиниц, из собственных квартир и съемных апартаментов. По крайней мере, так происходит в фильмах и книгах, и у некоторых его друзей. Хотя некоторые проститутки уходят сразу после работы. Может это и похоже на оскорбление мужского достоинства клиента, но им нужно спешить, и они совершенно не это имеют в виду. За ночь у них бывает много заказов!

А как еще заработать много денег в бедном городишке? Там, где все друг друга знают, где бизнес только малый и средний, а единственное предприятие разваливается подобно какому-нибудь колхозу после исчезновения Страны Советов?

Либо цены на плотские удовольствия должны быть завышены, либо цены должны быть разумными, но, учитывая риск самой древней и до сих пор еще не легализованной профессии, будет учащена частота работы обслуживающего персонала.

Ни один нормальный бандит не будет заниматься тем, что не приносит ему огромных денег. Потом оплата на подкуп полиции и прочих побочных расходов.

Хотя все же это было довольно странно — давать объявление о публичном доме в официальную и уже давно зарекомендовавшую себя газету. Обычно преступники не утруждают себя подобными записями, тем более в таком безликом месте. Все писалось на заборах краской, часто самими же ночными бабочками, ибо с утра никто не наблюдал маляров, наносящих такие записи.

Он позвонил несколько раз в два.

Потом позвонил в три. И даже сделал звонок в шесть часов вечера.

Трубку по-прежнему никто не собирался брать.

3

— Накрыли? — думал молодой человек поздно ночью, сидя на диване, — Да, скорее всего, непременно накрыли.

Ведь в самом деле, не один же только он покупает и читает эту газету. Её тираж около пяти тысяч экземпляров, а территория

распространения пять или шесть таких же небольших городков.

– И потом, – шептал себе парень, – С какого это перепуга именно я, то самое, морально ответственное, чистое лицо? Я должен спокойно ко всему относиться. Иначе мне так не прожить.

Разве мало на свете благоразумных героев? Он, конечно же, льстит себе! Какой-нибудь возмущенный дедушка непременно позвонит! Его ревнивая бабка! Все эти советские замученные пенсионеры! Все эти инвалиды ВОВ! Почему простой учитель, который не может найти себе службу, должен беспокоиться об общественной морали?!

Не будут же милиционеры болтать ногами? Они примут меры. Это где-нибудь в другом месте любовь напрокат может существовать. Здесь, в тихом городке, это запрещено.

Он вертелся, словно утром его ожидала какая-то важная встреча, будто ему предстояли важные переговоры, или он должен был навестить больного друга, или свидание. Он беспокоился. Впрочем, на следующий день его действительно ожидали для важной встречи.

4

Двое мужчин ехали по направлению к дому молодого человека.

– Его придется убить? – спросил первый.

– Да, иначе нельзя, – ответил второй.

Первый держал в руках какие-то бумаги. Как оказалось, какие-то бумаги являлись личным делом молодого человека.

– Жалко как-то, – сказал первый, – Он только жить начал. Окончил университет и стал искать работу, чтобы не обременять родителей.

– Хм, – второй остановился перед светофором. Он вел машину и занят был лишь тем, чтобы ничего не нарушить на дороге и не убить еще кого-нибудь по пути к предстоящей жертве.

– У него даже первого раза-то еще не было, – продолжил

жевать сопли первый, — жалко убивать такого парня. Быть может, он бы женился, стал бы хорошим семьянином? А? — с надеждой посмотрел он на водителя.

— Он может знать правду? — наконец, заговорил второй, — То, что мы отлавливаем мужей-блядунов?

— Не-а.

— О нашей организации может хоть кто-то знать?

— Нет. Иначе информация распространится, и мы не сможем продолжать тайно выявлять изменников и очищать мир от блуда, — отчеканил первый, словно заученное в школе правило.

— Почему мы должны его прикончить?

— Тот, кто не интересуется такими услугами, не будет обращать внимание на объявление подобного рода. А если он не женат, и обращается — он попадает в группу риска.

— Да.

— Его необходимо убрать.

— Безусловно.

Автомобиль пару раз повернул направо и остановился у подъезда двухэтажного дома. Дома молодого человека.

— Поэтому идем, — сказал первый.

— Эх, жалко же, — пропищал первый еще раз.

— Не лги. Страшно.

Это был его первый в жизни приговор.

Открылись двери, захлопнулись.

Шаги на лестнице.

Открылась дверь, захлопнулась.

Выстрел.

2011

МОЯ ЛЮБИМАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

В педагогическом колледже моя учительница твердила мне, что первым всегда здороваются тот, кто умнее.

Именно эта учительница, которая стоит сейчас передо мной

в магазине «Магнит», растерявшись от того, что мы с ней столкнулись. Она как пташка, попавшая в сеть, не знает, куда себя деть.

Ну, не лучший ученик попался! Что ж теперь делать?

– Здравствуйте, Татьяна Владимировна, – говорю я ей.

Она отвечает отрывисто. Быстро. И при этом дергается и моргает глазами.

– Здравствуйте, Руслан. Как у Вас дела?

– У меня всё хорошо, – отвечаю я.

– Ага. Угу.

Пауза.

У меня нет желания продолжать с ней разговор, поэтому даже формально, из вежливости, я не спрашиваю её о делах. Хотя, если подумать, это могло бы быть и издевательством с моей стороны, потому что, смотря на неё, я и так все прекрасно понимаю.

В руках она держит пакетик чипсов, который она только что второпях стащила из соседней коляски, как только завидела меня. Боже мой, и что она собирается с ним делать, думаю я.

Наверное, салат с чипсами?

Её руки все в дорогах. Кошмар, какой. Хотя, когда-то она мне пророчила эту судьбу. Судьбу наркомана.

– Главное, что у меня будут деньги на наркотики, – отвечал я ей, – И на хорошие книги, а не на один английский!

– Ты еще на него заработай! – прорычала мне она в ответ, – А то сидит, герой, с библиотечной!

И она нагнулась занести мне в журнал отметку «два». Уже восьмью за семестр по её предмету.

Я схватил со стола учебник и швырнул в неё. Надел на плечо сумку и вышел.

– Торчок! Да как ты смеешь!

– Ну, я, наверное, пошла, – она закрывает руки, – До свидания, Руслан.

Я на прощание шмыгаю носом.

Потом подхожу к охраннику и говорю не досматривать рыжую телку в сиреновом пальто при выходе. Я знаю, что она

МОЯ ПЕРВАЯ ДОЗА

1

Конечно, эта сволочь часто пропадает. И не отвечать на телефонные звонки для нее тоже обычное дело. Но, мать твою, это уже далеко зашло. Две недели уже! Свободные отношения! Ландау! Ля-ля-ля!

В общем, терпеть ее больше я не намерен. У меня куча всяких проблем! Неоплаченные счета! Ненайденная работа! Разбитая машина! И кругом — долги, долги, долги, вонючие долги! И сегодня уже Андрей попортил мне здоровье из-за них. И я не могу переживать еще и из-за этой твари! Любовь, она, блин, повсюду! Куда б ты не пошел, она с тобой, в твоём мозгу.

Сейчас я курю «KISS», но если через пять минут эта чувиха не появится, на столе у меня уже приготовлен баян. Раз — и все! Все твои проблемы решены! «Украл, купил, вмазал!» — вот так я теперь буду жить. Как все остальные кореша.

Я, блин, стоя, курю и нервно поглядываю на группу «Nirvana» по Муз ТВ. Песня, конечно, хорошая, к Курту не придерешься, твою мать. На улице лето, оно настоящее. Будто твой дом в пустыне — жарко!

Я слышу, дверь открывается. Ну, кто это? Естественно, она! Ключей больше ни у кого нет. Я бегу в прихожую и, короче, тотально накидываюсь на нее. Я весь на нервах! Я злой, много претензий.

— Ты где пропадала, а?! — ору я. У меня, наверное, глаза точно с орбит повыскакивали. Дым с ушей и все такое.

— Наташ, не тупи, а! — говорит она мне.

— Я тебе столько звонил, писал! Где ты была?

— Я ездила на концерт Sound garden!

— Я люблю тебя, понимаешь! — объясняю я ей, — Я волнуясь! Где он был?!

— Волгоград.

Офигел от такого пофигизма.

— Он не далеко отсюда! Где ты торчала две недели?!

— Я познакомилась с таким парнем! Чудо в постели! — эта моральная уродина закатила глаза, как в блаженстве, погрузилась в воспоминания и рухнула на кровать, — Я устала! Наташ, сделаешь мне кофе? — и улыбнулась.

— В смысле, в смысле ты развлекалась и потом устала? — я был добит окончательно.

— Он ненасытен, — прозвучало, как жалоба, она недолго смотрела на меня — я стоял в оцепенении — а потом как заржет!

Мне нечего было сказать.

— Ты издеваешься надо мной! Ты променяла меня на какой-то член!

— Я не виновата в твоей поломанной ориентации. Он — парень! Я — девушка! Это нормально! А ты? Лесбиянка и трансвиститка!

— Наши права признали!

— Права негров тоже признали, но они от этого не изменились! Черненькие такие же!

— Нельзя смеяться над чужими недостатками!

— Нельзя мешать другим своими недостатками! Тем более, навязывать их! Давай, не сходи с ума! Мне через два часа к маникюристу. Если хочешь, вместе пойдем.

Я стоял, дрожа от злости, но как-то не твердо стоял, думал, что сейчас я упаду в обморок. На меня как-то внезапно такая усталость навалилась. Тут Маша посмотрела на мой стол. Там, кроме пульта, лежал баян.

— О! — сказала она и снова залилась. Господи, как у меня тошнит от ее «ха-ха», — Ты я вижу тоже не ангел, времени зря не теряешь!

— Что?! — не могу описать состояние — пусть перед вашими глазами проплывет картинка атомного взрыва, — а она ржет,

естественно, — Ты еще и наркоманка!..

Я схватил ее за руку, Маша, казалось, была не со мной. Вам бы картинку улетающей в небо души здесь, как пить дать! Да, на руке рубцы... Я ринулся к баяну...

2

Короче, очнулся я в нашей задранной ванне, а точно не знаю от чего пришел в сознание: то ли оттого, что эта тварь хлестала меня по лицу и уже в кровь исцарапала его, то ли от того, как она невыносимо визжала:

— Вставай, сволочь! Очнись, мать твою! Тварь, живи, живи!

Я был погружен в воду, не раздет, а в одежде.

— Ты что?! — заорала на меня моя «любимая» после того, как я открыл глаза, — Нафига столько геры вкалывать в первый раз! Да ты б сдохла здесь, если б не я! Мне чуть ли не литр соленого раствора в тебя пришлось вогнать, сейчас пить будешь и ссать, как после тонны съеденных арбузов! Я с тем парнем не могла не переспать! У нас же ни копейки денег! И шмаль... И на Sound garden не как за хлебом в магазин! И не на улице ж мне было торчать!...

Теперь я ржал, мать твою.